

«Зато джинсы целы»: игры с ближайшим будущим и позднесоветский прогностический анекдот

ВАДИМ
МИХАЙЛИН

Первоначальный вариант статьи Вадима Михайлина открывало следующее рассуждение: «Я заранее должен предупредить читателя, что здесь, как и в обеих более ранних публикациях, при цитировании материала я принципиально сохраняю его конститутивные особенности, такие, как: (а) демонстративную неполиткорректность и (б) мат как одну из базовых характеристик ситуации исполнения. И если читателя смущают обценные слова и словосочетания – значит, ему лучше ограничиться теоретической частью работы и не заглядывать в приведенные цитаты. Кроме того, поскольку анекдот есть жанр прежде всего коммуникативный и перформативный, я считаю необходимым приводить в скобках характеристики манеры исполнения, без которых анекдот перестает быть самим собой и обреченно перемещается в границы унылого жанра “анекдота из подборки”».

К сожалению, из-за не слишком, на наш взгляд, продуманной законодательской политики в Российской Федерации «Неприкосновенный запас», который, хотя и является академическим изданием, но зарегистрирован (подобно другим академическим изданиям) как СМИ, не имеет права печатать обценную лексику даже в завуалированном и трансформированном виде. Забота о лексической девственности

Вадим Михайлин (р. 1964) – историк культуры, социальный антрополог, переводчик, профессор Саратовского государственного университета.

**ПОЛИТИКА
КУЛЬТУРЫ**

аудитории специальных журналов по гуманитарным и социальным наукам приводит и к нарушению авторской воли, и – довольно часто – к искажению смысла опубликованного текста.

Мы не знаем, как с такой ситуацией справляются издания фольклористов, антропологов, историков литературы, – скажем только за себя: в данном случае мы вынуждены следовать законодательству, сколь бы абсурдным и нелепым это ни было. Увы, мы живем и работаем в очень неприятные, странные времена. Впрочем, мы надеемся, что, в конце концов, здравый смысл восторжествует и нелепое цензурирование специальных изданий останется досадным недоразумением прошлого. [18+] [НЗ]

В русском позднесоветском анекдоте с завидным постоянством повторяется одна и та же сюжетная ситуация, крайне редко встречающаяся в отечественной анекдотической культуре середины XX века¹. Персонаж получает некую возможность спрогнозировать или даже сконструировать собственное ближайшее будущее; он совершает выбор, вполне предсказуемый как с его собственной точки зрения, так и с точки зрения слушателя; в пунте выбор оказывается катастрофически неверным и ведет не к радикальному улучшению, а к радикальному ухудшению ситуации – или по крайней мере к сохранению *status quo*, что в свете утраченной возможности воспринимается в том же катастрофическом ключе. Существует несколько устойчивых серий, построенных на данном сюжете («про Золотую Рыбку», «про Хоттабыча/джинна», «про внутренний голос»), причем в общем потоке тексты эти настолько частотны, что можно, пожалуй, вести речь об отдельном микрожанре прогностического анекдота. Сам факт появления подобного микрожанра в начале–середине 1960-х и его расцвета в последние два десятилетия существования СССР весьма любопытен и требует объяснения. Однако прежде, чем предлагать какие-либо интерпретации этого – вполне локального – феномена, я считаю необходимым обратиться к значительно более масштабным вопросам. О том, почему человек вообще испытывает настолько острую потребность в предсказании предстоящего и почему изобретает такое количество способов это сделать – даже тогда, когда результат предсказания заранее воспринимается как весьма сомнительный. И зачем вообще

1 Подробнее о временной и культурной границе между сменяющими друг друга примерно в начале–середине 1960-х традициями русского советского анекдота см.: Михайлин В. *Позднесоветский зооморфный анекдот // Зверь как символический ресурс. Интерпретация культурных кодов 2020*. Саратов: Научная книга, 2020. С. 3–115; а также в книге, которая должна вскоре выйти из печати: Он же. *Бобер, выдыхай! Заметки о советском анекдоте и об источниках анекдотической традиции*. М.: Новое литературное обозрение, 2021.

людям нужны гадания и пророчества: то есть механизмы построения проективных реальностей, в рамках которых можно играть с тем коварным временным промежутком, что Филострат считал законной вотчиной мудрецов².

ВАДИМ МИХАЙЛИН
«ЗАТО ДЖИНСЫ ЦЕЛЫ»...

ПОЧЕМУ МЫ ОДЕРЖИМЫ БЛИЖАЙШИМ БУДУЩИМ

Человек есть зверь фантазирующий. Наше базовое эволюционное преимущество, благодаря которому мы в конечном счете превратились в доминирующий на планете вид (ну, или по крайней мере нафантазировали себе этот привилегированный статус), заключается в способности к построению сложных и многоуровневых *проективных реальностей*, а также к передаче/усвоению подобных реальностей как на индивидуальном, так и на групповом уровне – что, собственно, и принято называть «культурой». Еще одной, помимо проективности, ключевой характеристикой наших когнитивных способностей является *ситуативность*: всякий раз, выстраивая в голове очередную реальность, мы заключаем ее в некие рамки, за пределами которых остаются все факты, которые мы назначаем нерелевантными, избыточными. Такая процедура категорически необходима, чтобы внутри этих рамок запускался механизм *инференции*, автоматического достраивания значимой информации буквально по нескольким реперным точкам. Если бы мы всякий раз, перед каждым следующим действием (которое совершаем, «надевая» очередную проективную реальность на очередной уголок предметного мира) заново прокручивали и оценивали даже тот объем информации, что уже поместили в заданные ситуативные рамки, эволюционное преимущество превратилось бы в эволюционный приговор – как в древней притче про сороконожку, которая задумалась о том, с какой ноги обычно начинает движение, и в итоге умерла, так и не сдвинувшись с места.

Назначая ту или иную информацию значимой или незначимой для создания необходимой нам *иллюзии контроля* над актуальной ситуацией (то есть выстраивая ситуативные рамки и запуская режим инференции), мы автоматически осуществляем еще одну операцию: выстраиваем грамматику этой ситуации, то есть логику, согласно которой именно эти назначенные нами ситуативные рамки являются единственно верными. А любые другие, предложенные кем-то еще, соответственно, искажают и замутняют реальность, путая то, что имеет отношение к делу, с тем, что к делу отношения не имеет, и тем самым

2 «Ибо боги постигают грядущее, люди – сущее, а мудрецы – предстоящее»: ФЛАВИЙ ФИЛОСТРАТ. *Жизнь Аполлония Тианского*. М.: Наука, 1985. С. 140.

выдают либо добросовестное заблуждение «проектировщика», либо его же злой умысел.

Вот здесь в нашей когнитивной машинерии и обнаруживается слабое место. Этот крайне простой и эффективный механизм работал бы как часы, если бы альтернативные варианты ситуативных рамок предлагались исключительно извне. Вся наша культура социального взаимодействия построена на искусстве учить/убеждать заблуждающихся/неученых и принуждать несогласных – то есть, по большому счету, на искусстве навязывать собственные проективные реальности другим людям. Но что происходит, когда сигнал о возможности иной ситуативной модели приходит не извне, а изнутри?

Проблема в том, что мы – во многом в силу все той же необходимости выстраивать иллюзию контроля для обеспечения собственной дееспособности – привыкли считать самих себя той окончательной инстанцией, которая задает грамматику любой ситуации. Но при этом не можем так или иначе не отдавать себе отчета в одном малоприятном обстоятельстве: наши собственные системы установок могут достаточно радикально меняться в зависимости, скажем, от конкретной культурно маркированной территории, на которой мы в данный момент оказались, меняя тем самым и логику, согласно которой мы будем выстраивать очередные ситуативные рамки. Проще говоря, если предложить одному и тому же среднеобразованному мужчине средних лет один и тот же набор обстоятельств (людей, предметов, возможных действий и так далее), он будет по-разному «назначать» степень значимости для каждого из них в зависимости от того, находится он сам в данный момент на Красной площади или в лесу, на берегу реки. В результате чего «за рамками», в зоне невнимания окажутся *разные* люди, предметы и способы действия. Причем в обоих случаях человек будет уверен (если вообще даст себе труд об этом задуматься), во-первых, в полной адекватности своего – единственно возможного – выбора и, во-вторых, в том, что выбор сделал он сам.

И все же.

И все же где-то на периферии того поля, что мы привыкли называть «сознанием», будут маячить призраки неучтенных обстоятельств, которые этот же самый человек, находясь под воздействием иных культурных кодов, назначил бы если не ключевыми, то значимыми. Следовательно, будучи совершенно прав и абсолютно адекватен, он где-то там, глубоко внутри, подозревает, что вполне мог ошибиться и провести границу между значимой и незначимой информацией не там, где ее следовало бы провести. И тем самым проявил опасную некомпетентность, которая в перспективе может привести к непредсказуемым и даже катастрофическим последствиям. Умение

считывать общую логику обстоятельств и скрытые в ней культурные коды «краем глаза» мы – в пределах современных культур европейского круга – привыкли именовать интуицией, четко противопоставляя свою способность к пониманию окружающего мира всем прочим когнитивным механизмам, основанным на рациональности и волевом контроле. Не так давно Питер Страк провел эту способность по более широкому ведомству *избыточного знания* (*surplus knowledge*), показав, что у древних греков, в чьем словаре отсутствовали скольконибудь близкие понятия, ту же нишу самым естественным и повседневным образом занимала мантика³. И, собственно, мантика нужна была древним грекам ровно для того, для чего мы придумали себе интуицию (кстати, сохранив при этом трогательную приверженность к гадательным практикам): чтобы по возможности свести к минимуму внутренние неудобства, связанные с *избыточным знанием*. Причем как интуиция, так и гадания/предсказания, на это следует обратить особое внимание, прорабатывают именно зону ближайшего будущего – в тех пределах, в которых мы способны удерживать в собственном сознании уже назначенные ситуативные рамки.

ВАДИМ МИХАЙЛИН
«ЗАТО ДЖИНСЫ ЦЕЛЫ»...

**Наша культура социального взаимодействия }
построена на искусстве учить/убеждать }
заблуждающихся/неученых и принуждать }
несогласных – то есть на искусстве навязывать }
собственные проективные реальности другим людям.**

Еще одна сложность заключается в том, что наш когнитивный аппарат имеет привычку за любым неучтенным фактором, внезапно проявившимся в, казалось бы, уже расчисленном порядке вещей, подозревать не просто случайность, а некую внешнюю интенцию – то есть, собственно, чужую и персонифицированную волю⁴. Так что если ты сам оказался не в состоянии вовремя включить в собственные ситуативные рамки *все* значимые обстоятельства, то где-то вовне должна существовать некая инстанция, более компетентная, чем ты, и способная ничего не упустить из виду. Соответственно, включается постоян-

- 3 STRUCK P.T. *Divination and Human Nature. A Cognitive History of Intuition in Classical Antiquity*. Princeton: Princeton University Press, 2016. Касательно особого места, которое избыточное знание занимает в наших общих когнитивных диспозициях, см. также нашу давнишнюю, достаточно наивную (на структуралистский манер), но все же, с точки зрения предлагаемых здесь интерпретаций, не лишенную смысла статью: Михайлин В. *Избыточность: исходный социокультурный смысл // Культура, власть, идентичность: новые подходы в социальных науках*. Саратов: Волжский сад, 1999. С. 229–235.
- 4 Подробнее об этом см.: BOYER P. *Religion Explained: The Human Instincts That Fashion Gods, Spirits and Ancestors*. New York: Basic Books, 2001.

но действующий режим ожидания сигналов от этой внешней инстанции, сопутствующий *эпистемическому беспокойству* по поводу неучтенных факторов внешней реальности. Интуитивное *предощущение адекватности*, внерациональная вера в собственную способность провести границы зон внимания и невнимания именно там и так, где и как того требует наличная ситуация, как правило, уже включает в себя явные или неявные следы попыток договориться с этой инстанцией, на дискурсивном уровне проявляющиеся в рассуждениях о вере в судьбу, собственную удачливость или неудачливость и так далее.

Прогност, то есть человек, гадающий или каким-то иным способом взыскивающий информации о ближайшем будущем, по большому счету, не нуждается в конкретных ответах на те вопросы, которые задает незримой судьбе или профессионалу, претендующему на роль посредника между ним и судьбой. Прежде всего он нуждается в своего рода «разметке реальности», в подтверждении того, что уже заданные им самим или предощущаемые ситуативные рамки верны. Фактически он целенаправленно помещает себя на границу двух реальностей. Одна перенасыщена смыслами – учтенными, неучтенными и сомнительными с точки зрения необходимости принимать их во внимание (при том, что любой неучтенный смысл может на практике обернуться значимым). Другая построена вокруг простого высказывания, в котором количество смыслов ограничено – как и количество возможных связей между этими смыслами. Наложение элементарной логики, организующей вторую реальность, на логику собственных ситуативных рамок, заданных применительно к реальности первой, снижает степень эпистемического беспокойства и усиливает иллюзию контроля. При этом сама простота внешнего высказывания помогает нам совершать весьма полезную ценностную подмену в контрастной паре «полнота/неполнота знания», поскольку именно эту простоту мы с готовностью принимаем как следствие более полного и даже абсолютного знания, свойственного таким внечеловеческим инстанциям, как «судьба», «удача», «божественное провидение» и так далее. В тех же случаях (коих в гадательных и других предсказательных практиках подавляющее большинство), когда высказывание туманно, противоречиво и даже – по видимости – нерелевантно в отношении заданного вопроса, это никоим образом не отменяет главных его достоинств: во-первых, гномичности, а во-вторых, того, что автором этого высказывания является некая гиперкомпетентная сущность. И даже тогда, когда предсказание самым очевидным образом не сбывается, на его оценке это может не сказаться никак: требуемая логика продолжает ощущаться как истинная, но подвергшаяся воздействию злонамеренных внешних сил.

КАК МЫ ПЫТАЕМСЯ ЗАГЛЯНУТЬ В БЛИЖАЙШЕЕ БУДУЩЕЕ

ВАДИМ МИХАЙЛИН
«ЗАТО ДЖИНСЫ ЦЕЛЫ»...

Есть три основных типа процедур прогностического запроса:

- 1) гадание на видимых физических объектах;
- 2) обращение за предсказанием к достоверному сакрализованному источнику: к человеку или другому актору, «имеющему доступ» к внешней компетентной инстанции;
- 3) постоянно действующий и активизирующийся при необходимости режим разметки реальности, при котором элементы осязаемой реальности наделяются собственной эссенциальной семантикой и принимаются как ориентиры, по которым можно определить необходимые ситуативные рамки (сновидения; видения, полученные в состоянии измененного сознания; природные явления, происходящие «сами собой», без непосредственного человеческого участия, приметы и так далее).

Эти процедуры ни в коем случае не являются взаимоисключающими и прекрасно дополняют друг друга. Когда гадалка раскладывает карты на глазах у прогноста и поясняет сложившуюся конфигурацию разукрашенных кусочков картона как значимый комментарий к его ближайшему будущему, перед нами сочетание всех трех типов (третьего – поскольку прогносту зачастую известны смыслы, приписываемые конкретным картам: поздняя дорога, бубновый интерес и прочее). Когда к «знающему человеку» – к гадалке, шаману или просто к знакомому, вызывающему в этом смысле у прогноста доверие, – обращаются за толкованием сновидения, мы сталкиваемся с сочетанием второго и третьего – и так далее.

Как работает каждая из этих процедур?

В случае с гаданием на предметах между собой сопоставляются два набора реалий: ситуация запроса (то есть актуальная жизненная ситуация прогноста, нуждающаяся, с его точки зрения, в прояснении) и подконтрольный прогносту набор физических объектов, с которыми он совершает игровое действие (то есть действие по заранее известным правилам в определенном времени и пространстве): карт, игровых костей, стеблей тысячелистника, камушков, монет и прочее.

Для ситуации запроса:

- ситуативные рамки разомкнуты и не могут быть определены с окончательной точностью;
- число участников, наделенных собственной интенциональностью – человеческой или нечеловеческой (животные, сверхъестественные агенты), – потенциально бесконечно, и режимы их действия в конечном счете непредсказуемы для гадающего;
- количество потенциально вовлеченных факторов влияния так же потенциально бесконечно;

– основания для того, чтобы задать конкретные ситуативные рамки, ненадежны в силу потенциальной (и представимой) множественности проективных реальностей с различным «ситуативным наполнением».

Для предметной ситуации:

- ситуативные рамки строго заданы;
- число участников сводится к минимуму: в идеале к одному человеку и некой «случайности», «судьбе», которая предположительно перехватывает у него контроль над предметами;
- количество значимых факторов минимально;
- количество возможных исходов ограничено.

В этом случае достоверность прогноза создается за счет перевода сочетания подконтрольность/неподконтрольность в принципиально другой режим: ситуация строго задана, факторы конечны, каждый из объектов максимально прост, и оперирование этим объектом направлено на создание иллюзии контроля – при этом «воля», отличная от воли гадалателя и неподконтрольная ей, лишена собственной четко выраженной субъектности. Последнее обстоятельство крайне значимо. Как убедительно показали в недавних публикациях Паскаль Буайе и Юго Мерсье⁵, свойственная нашему когнитивному аппарату эпистемическая бдительность (*epistemic vigilance*) заставляет нас предполагать, что в тех случаях, когда другие люди проявляют явную заинтересованность в каких-то конкретных деталях нашей собственной ситуации, эту заинтересованность следует воспринимать как симптом их стремления соответствующим образом на нашу ситуацию повлиять. Поэтому мы выстраиваем сложные социальные процедуры – и даже целые институты, позволяющие перевести ответственность за принимаемые решения в максимально безличный режим – усыпляя таким образом собственную эпистемическую бдительность. По этой же причине гадания, предсказания и прочие прогностические процедуры вызывают в нас тем больше доверия, чем отчетливее в них проявлен режим демонстративной невовлеченности (*ostensive detachment*) любого человеческого агента. Чем меньше любой человек, потенциально вовлеченный в ситуацию (в том числе и сам прогност), может оказать на нее влияние – здесь и сейчас или в ближайшем будущем, – тем менее бдительно мы реагируем на полученный прогноз.

Если имеет место обращение за предсказанием к достоверному сакрализованному источнику, запрос формулируется и сообщается другому актору, актер совершает ритуализиро-

5 BOYER P. *Why Divination? Evolved Psychology and Strategic Interaction in the Production of Truth* // Current Anthropology. 2020. Vol. 61. № 1. P. 100–123; MERCIER H., BOYER P. *Truth-Making Institutions: From Divination, Ordeals and Oaths to Judicial Torture and Rules of Evidence* // Evolution and Human Behavior. 2020. December (<https://doi.org/10.1016/j.evolhumbehav.2020.11.004>).

ванные действия, в результате которых получает недоступную для прогноста информацию и транслирует ее прогносту. При этом, помимо ситуации запроса, создается промежуточная ситуация обращения, в которой:

– число значимых участников сводится к минимуму, в идеале включающему в себя только самого прогноста и достоверный сакрализованный источник (с предполагаемой косвенной вовлеченностью той гиперкомпетентной инстанции, которой «жрец» впоследствии переадресует сам запрос);

– все обилие исходной информации о ситуации запроса вынужденно сводится к ключевому событию или набору событий, относительно которых можно задать конкретный вопрос. Сама необходимость сформулировать вопрос так, чтобы его можно было передать в другую инстанцию, требует максимальной компрессии и резко ограничивает поле дальнейшей интерпретации;

– механизм получения ответа либо скрыт от прогноста⁶, либо явлен ему только отчасти (внешняя последовательность совершаемых жрецом ритуальных действий);

– ответ (в идеале) представляет собой гномическую вербальную формулу, состоящую из минимального количества значимых сигналов. Предполагается, что любой полученный ответ – вне зависимости от видимой релевантности вопросу – задает интерпретативные рамки той ситуации, в отношении которой осуществляется запрос⁷.

ВАДИМ МИХАЙЛИН

«ЗАТО ДЖИНСЫ ЦЕЛЫ»...

Гадания, предсказания и прочие прогностические процедуры вызывают в нас тем больше доверия, чем отчетливее в них проявлен режим демонстративной невовлеченности любого человеческого агента.

Постоянно действующий режим разметки реальности, как мне представляется, особых комментариев не требует: каждый из нас знаком с ним на уровне повседневных практик и вырабатывает собственные – бесконечно разнообразные – способы договориться с судьбой. Режим демонстративной незаинтересованности поддерживается и здесь: человек может жульни-

6 Как в стандартной древнегреческой процедуре обращения за предсказанием в храм того или иного божества, при которой прогноз оставался за колоннадой (про фане), отделяющей сакральное пространство храма от его собственного, профанного, а посредник, жрец, скрывался в храме, а затем возвращался с ответом на вопрос.

7 Если дельфийский оракул дает загадочные ответы, это ничуть не уменьшает их ценности, поскольку: (а) лишний раз демонстрирует незаинтересованность оракула в ответе и (б) заставляет прогноста расширять контекст запроса в конкретном направлении, подсказанном ответом, интерпретируя ограниченный набор слов, «назначенных» ключевыми.

чать, раскладывая пасьянс, но, несмотря на это, получать необходимое прогностическое удовлетворение, поскольку играл он не с кем-нибудь, а с судьбой и так или иначе «уговорил» ее дать нужный прогноз⁸. Еще одной гарантией режима незаинтересованности выступает наличие коллективного опыта. Приметы, сновидения, цепочки случайных совпадений толкуются с оглядкой на уже сформировавшиеся и активно транслируемые каноны. Да и сам факт очевидного интереса к подобному рода прогностике на уровне *grass roots* со стороны сообщества, проявляющийся каждодневно и во множестве самых разных форм (от индивидуально значимых кейсов до общеизвестных репрезентаций в художественной культуре), поддерживает ощущение, что, загадывая предстоящую удачу или неудачу по сочетаниям цифр в номерах проезжающих навстречу автомобилей, ты не делаешь ничего странного и, более того, общаешься к незримым рычагам воздействия на собственную ситуацию.

ПОЗДНЕСОВЕТСКИЙ ПРОГНОСТИЧЕСКИЙ АНЕКДОТ КАК СИМПТОМ ЭПОХИ

Позднесоветское общество, по большому счету, представляло собой один сплошной и постоянно действующий когнитивный диссонанс. Все его публичное пространство было заточено под привычный футуроцентрический миф о неизбежном построении коммунизма. И каждое событие, так или иначе соприкасающееся с публичным пространством, неизбежно подлежало интерпретации, исходящей именно из этой перспективы. А поскольку ключевой особенностью советского социнженерингового проекта от самых начал нового строя было стремление к тотальному опубличиванию человеческого бытия, к максимально полной ликвидации всех и всяких закрытых зон, способных так или иначе отвлекать потенциального строителя коммунизма от этой ключевой его миссии, то – по крайней мере, в идеале – футуроцентризм должен был рано или поздно проникнуть в каждый узелок социального плетения. К 1960-м, а тем более к 1970-м годам пафос безраздельной вовлеченности в публичное пространство несколько поутих и даже был от-

8 Здесь можно взглянуть весьма любопытные параллели с теми играми, в которые семи-двенадцатилетние современные дети играют с собственными представлениями о смерти. В более раннем возрасте смерть, как правило, видится чем-то не имеющим отношения к людям вообще и к самому ребенку в частности, хотя воспринимается вполне естественно применительно к животным. Здесь же возникают представления о том, что со смертью (уже воспринимаемой как лично значимая опасность) можно договориться, ее можно обмануть, убежать от нее и так далее. См. в этой связи: BARRETT H. C. *Human Cognitive Adaptation to Predation and Prey*. Doctoral dissertation. Santa Barbara: University of California, 1999; МИХАЙЛИН В. *Зверь как смерть* // Отечественные записки. 2013. № 5(56). С. 144–156.

части уравновешен «заботой партии о повседневных потребностях советского человека», предполагавшей в числе прочего и массовое строительство индивидуального жилья, и нарезку дачных участков – то есть создание тех самых «карманов», где гражданин СССР мог хотя бы на время остаться вне зоны общих интересов и заняться своими маленькими делами и планами. Но на самой идеологической риторике, на языке плакатов и лозунгов это никоим образом не сказалось: здесь совместное строительство светлого будущего продолжало оставаться очевидной и неизбежной целью общества в целом и каждого советского человека в частности.

При этом на уровне обыденного сознания язык советского публичного поля все более и более отчетливо превращался в «красный шум», постоянное присутствие которого в эфире перестало восприниматься как связная и осмысленная система сигналов – особенно после того, как был свернут последний сколько-нибудь успешный мобилизационный проект, проект оттепельный, породивший шестидесятников: последнее поколение – на более или менее репрезентативном уровне готовое воспринимать советский футуроцентризм всерьез⁹. Впрочем, даже и публичное позднесоветское пространство регулярно посылало рядовому гражданину сигналы, откровенно противоречащие бодрому плакатному дискурсу. Реальная политика брежневских властных элит была ориентирована никак не на дальние горизонты: ее коренная, хотя и не подлежащая особо явной экспликации суть заключалась в поддержании гомеостаза. Охранительно-консервативные обертона, через голову оттепели позаимствованные из позднесталинского имперского проекта, звучали достаточно внятно, чтобы их воспринимал даже рядовой инженер, работающий в провинциальном конструкторском бюро и понятия не имеющий о тех откровенно черносотенных настроениях, которые царили в ЦК ВЛКСМ и ряде других властных структур¹⁰. Он просто читал Распутина и Солоухина, смотрел по телевизору «Вечный зов», вешал на стену репродукции с картин Ильи Глазунова, вырезанные из журналов, и мечтал купить домик в деревне и вернуться к корням. Искренняя надежда на скорейшее построение коммунистического общества в этот ряд вписывалась с трудом.

Еще одна особенность брежневского СССР – тотальная и унылая предсказуемость бытия. Наш провинциальный инже-

ВАДИМ МИХАЙЛИН
«ЗАТО ДЖИНСЫ ЦЕЛЫ»...

9 Подробнее о взаимоотношениях между советской публичностью и повседневными установками советского человека см.: Юрчак А. *Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение*. М.: Новое литературное обозрение, 2019. О «красном шуме» в восприятии позднесоветского человека см.: Михайлин В., Беляева Г. «Наш» человек на плакате: конструирование образа // *Неприкосновенный запас*. 2013. № 1(87). С. 89–109.

10 См.: Митрохин Н. *Русская партия: движение русских националистов в СССР. 1953–1985 годы*. М.: Новое литературное обозрение, 2003.

нер, получавший после распределения в проектный институт положенные 110 рублей в месяц, мог надеяться на то, что к пятидесяти годам его зарплата (оклад плюс доплаты) вырастет рублей до 200–220. За это время он мог дождаться очереди на ведомственную квартиру, раз в год получал оплаченную на 80% путевку в институтский санаторий, расположенный в соседнем районе, а к моменту выхода на пенсию подходила и очередь на «Москвич-412», на котором в перспективе можно будет ездить в тот самый деревенский домик. И если современная российская совстальгия активно подпитывается воспоминаниями о позднесоветской стабильности как едва ли не о самой позитивной характеристике утраченной империи, то изнутри, в СССР середины 1970-х, эта стабильность виделась совершенно иначе – так что любое нарушение порядка вещей воспринимается как манифестация желанной свободы. Эта тоска по возможности выйти за рамки серой повседневности оставила массу культурных следов. Стоит только вспомнить о бардовской песне, густо населенной пиратами, геологами, преступниками и альпинистами; об особой позитивной семантике слова «чудак» и едва ли не о культе чудачества, сложившемся еще под занавес оттепели, – да мало ли о чем еще. Ударные сцены в фильмах 1970-х – начала 1980-х с завидным постоянством построены на демонстративном нарушении конвенций. В «Белых росах» (1983) Игоря Добролюбова персонаж Николая Караченцева рвет душу зрителю, играя на гармошке в самых неожиданных местах и контекстах (лежа ничком на улице, сидя в аистовом гнезде) – и отрабатывает тот же эмоциональный посыл, что и персонаж Вадима Андреева в «Баламуте» (1978) Владимира Рогового, мистически очарованный откровенно «не нашей» черной валькирией, и персонаж Олега Янковского в «Полетах во сне и наяву» (1983), с его нескончаемой и безнадежной клоунадой.

Культура советского анекдота, живо реагирующая на любые социальные перемены, просто не могла не породить жанра, паразитирующего на смысловом поле, настолько противоречивом и диссонансном. Прогностический позднесоветский анекдот, построенный, как уже было сказано в начале статьи, на одной и той же сюжетной схеме – нарушении порядка вещей за счет кажимой управляемости прогноза, за которым следует возвращение к ухудшенной версии все той же реальности, – просто обязан был появиться на свет. Безнадежная «уверенность в завтрашнем дне» порождала неизбежную заинтересованность в любой ситуации неопределенности и в любом прекарном персонаже. Пессимистический же финал анекдота иронически комментировал сам факт неизменности наличного бытия, создавая комфортную как для рассказчика,

так и для слушателей иллюзию дистанции по отношению к жизни вокруг. И в этом смысле прогностический анекдот был одним из порталов в те самые «пространства внеаходимости», о которых Алексей Юрчак пишет как об одной из ключевых характеристик эпохи. Дополнительным ресурсом интереса к жанру, несомненно, было точно такое же ироническое дистанцирование от официозного футуроцентризма: гениальные предсказания Маркса, Энгельса и Ленина о светлом будущем всего человечества были попросту несовместимы с непредсказуемостью буквально следующего шага даже в рамках самой маленькой, сугубо индивидуальной ситуации.

ВАДИМ МИХАЙЛИН
«ЗАТО ДЖИНСЫ ЦЕЛЫ»...

Пессимистический финал анекдота иронически комментировал сам факт неизменности наличного бытия, создавая комфортную как для рассказчика, так и для слушателей иллюзию дистанции по отношению к жизни вокруг.

По видимости советские прогностические анекдоты достаточно однообразны – что можно заключить уже из того простого факта, что едва ли не все они, как уже было сказано, эксплуатируют одну и ту же сюжетную ситуацию. В подавляющем большинстве они используют модель прогноза с обращением к достоверному сакрализованному источнику. Имеющиеся исключения весьма немногочисленны, носят вполне маргинальный характер – в том числе и с точки зрения использованной сюжетной ситуации. Вот анекдот, сюжет которого отталкивается от практики гадания на предметах:

Сидят три монтажника в обеденный перерыв, выпивают. Один достает монетку (*исполнитель имитирует соответствующий жест*): «Короче, так! (*исполнитель с не терпящей возражений интонацией утвердительно кивает головой*) Если орел, бежим в гастроном за второй. Если решка, валим в пивняк. Ну, а если на ребро встанет... (*исполнитель обреченно разводит руками*) – возвращаемся план выполнять».

Он узнаваемо советский, но в нем нет ничего специфически позднесоветского – в частности, никакого перелома к худшему в пуанте не происходит, – так что он вполне мог родиться и в рамках более ранних вариантов традиции¹¹.

Простая разметка реальности также время от времени порождает свои анекдотические версии:

11 Об особенностях отбора и датировки материала см. в: Михайлин В. *Позднесоветский зооморфный анекдот...* С. 3–6.

Штирлиц шел по улице. Проходя мимо зоомагазина, он скосил глаза в сторону и увидел в доме напротив, в окне второго этажа тринадцать утюгов, а на мостовой – тело профессора Плейшнера. «Понятно, – подумал Штирлиц, – явка провалена».

Здесь привязка к эпохе очевидна, поскольку анекдот принадлежит к весьма репрезентативной серии «про Штирлица», появившейся вскоре после того, как в апреле 1973 года на телеэкраны вышел 12-серийный сериал Татьяны Лиозновой «Семнадцать мгновений весны». Перелом к худшему в пуанте здесь вообще не имеет смысла, поскольку вся эта анекдотическая серия построена на доведении до абсурда заданной в фильме модели восприятия мира как логически проницаемого и полностью подконтрольного «нашему» дискурсу, представленному в картине одновременно фигурой главного героя и всезнающим голосом комментатора в исполнении Ефима «Закадровича» Копеляна. Голос советской публичности, непоколебимо уверенный в себе и в собственном праве на доступ к абсолютной истине, пародируется в этой серии системно:

Штирлиц возвращается на родину и получает звание Героя Советского Союза. В первый же вечер идет в кабак, нажирается в хлам, выходит и – хрясь мордой в лужу (*исполнитель обеими руками прихлопывает воздух перед собой, изображая падение бесчувственного тела*). Голос за кадром (*исполнитель переходит на безошибочно узнаваемые аудиторией тембр и интонации Ефима Копеляна*): «Он проснется... ровно... через двадцать пять минут».

Приведенный анекдот отличается от большинства других анекдотов про Штирлица тем, что копеляновская интонация включается исполнителем только в пуанте – поскольку именно она должна перекодировать легко узнаваемое поведение загулявшего командировочного в привычную икону стиля и самоконтроля. Как правило, голос «нашей» публичности в сюжетах из этой серии звучит с самого начала, и комический эффект возникает сразу, за счет столкновения этой беспредельно самоуверенной инстанции с очередной нелепой ситуацией или бессмысленным умозаключением – что автоматически превращает его в поток пустых знаков. Тот же эффект приводит к необязательности или смазанности пуанта:

Штирлиц шел по лесу. Навстречу шли девушки (*исполнитель имитирует фирменный внимательный взгляд Вячеслава Тихонова, появившийся на экране всякий раз, когда актеру нужно было сыграть напряженную работу мысли*). «Девушки», – подумал Штирлиц (*исполнитель утрирует задумчивое выражение лица*). «Штирлиц», – подумали девушки.

Любопытно, что в большинстве сюжетов из этой серии нарушается еще и сугубо грамматический канон русского советского анекдота – обязательное использование последовательности «сказуемое в настоящем времени + подлежащее + дополнение» в завязке («идет заяц по лесу...», «приходит Петька к Василию Ивановичу»): что, несомненно, усиливает «опознаваемость» пародии на повествовательную интонацию закадрового голоса в «Семнадцати мгновениях»¹².

Впрочем, как уже было сказано, основой для позднесоветского прогностического анекдота служит модель запроса, связанная с обращением к достоверному сакрализованному источнику. В силу того, что здесь неизменно используется одна и та же сюжетная ситуация, тексты эти и впрямь могут показаться однообразными, но на деле это не так, поскольку в рамках данного микрожанра ведется достаточно изобретательная игра с ситуативностью. Скажем, финальный поворот к худшему, в полном соответствии с практикой эпистемического беспокойства, может осуществляться за счет включения неучтенного опыта – либо предшествующего, либо чужого:

Приносит старик старухе Золотую Рыбку. А та и говорит (*исполнитель делает подряд несколько уверенных указующих жестов*): «Во-первых, хочу, чтобы вместо этой халупы стоял двухэтажный дом с мезонином. Во-вторых, чтобы вместо корыта стояла черная «Чайка». А в-третьих, деда ... [куда подальше], а вместо вот этого черного кота – горячий кавказский мужчина!» Хоп, стоит дом, стоит «Чайка», стоит усатый красавец в большой кепке. И говорит (*исполнитель имитирует грузинский или армянский акцент и делает эмоциональный жест рукой*): «А вот теперь, бабка, ты и пожалеешь, что меня к ветеринару носила!».

Просыпается мужик с утра – ни черта не помнит, все тело болит, башка раскальвается, в доме бардак, и кровать сломана. Встает, идет на кухню, а там за столом сидит какой-то хрен в чалме и тапках. Мужик: «Ты кто?». Тот: «Я джинн». – «А откуда ты тут?» – «Да ты ж сам меня вчера в Волге выловил. Загадал одно желание, второе, а третье на потом оставил». (*Исполнитель оживает*): «То есть, у меня еще целое желание осталось?!» – «Ага». – «Ну, тогда хочу, чтобы на меня все бабы вешались!» – «Ага» (*исполнитель щелкает пальцами*): «Готово. Ну, я пошел?» – «Иди, иди, братан, спасибо тебе» (*исполнитель имитирует движение к двери, потом оборачивается и как бы между делом бросает через плечо*): «Кстати, вчера первое желание было прям точь-в-точь такое же».

Едет дальнобойщик вдоль берега моря. «Дай, – думает, – хоть макнуть по дороге». Свернул, разделся, макнулся выходит – а в трусах что-то шевелится. Сунул руку – Золотая Рыбка. Ну, понятно, три

12 Касательно этой анекдотической серии подробнее см.: Белоусов А. *Анекдоты о Штирлице* (<http://folk.spbu.ru/Reader/belousov1.php?rubr=Reader-articles>).

желания. «Хочу, – говорит, – чтобы вместо этого «Камаза» у меня тут стояла “Волга”, моя собственная!» – Бац! Стоит «Волга». «Еще хочу, чтобы на заднем сиденье стоял чемодан с червонцами!» Бац! На заднем сиденье чемодан, битком набитый красненькими. Думает: «Чего же еще пожелать-то? Вроде все уже есть». И тут видит, ковыляет вдоль шоссе мужик с палочкой. «Блин, – думает, – что это я все о себе да о себе? Надо же и людям помочь». (*Исполнитель берет паузу, набирает полную грудь воздуха и, явно гордясь собой, произносит*): «Хочу, чтобы вон тот мужик бросил палку и побежал по шоссе!» Бац! Мужик бросает палку, бежит и орет: «Суки! Кто это сделал? Я не хромой – я слепой!»

Вариация на тему того же сюжета – вероятнее всего, уже перестроечная – задействует еще один популярный в советской массовой (детской) культуре набор текстов – «Цветик-семицветик» (сказка Валентина Катаева (1940), мультфильм Михаила Цехановского (1948), короткометражный телефильм Гарника Аразяна и Бориса Бушмелева (1968)), пропущенный через сито контркультурного опыта:

Стоит в ленинградской подворотне девочка с Цветиком-Семицветиком. Отрывает лепесток. «Хочу, чтобы меня плющило!» (*Исполнитель прикрывает глаза, начинает коржиться, отрывает еще один воображаемый лепесток и стонет*): «Все-все, не хочу больше, чтобы меня плющило!» (*Бодрым детским голосом*): «Теперь хочу, чтобы меня штырило!» (*Исполнитель начинает дергаться, потом снова стонет*): «Ой, все! Не хочу больше, чтобы меня штырило». (*Отрывает еще один лепесток*): «А теперь хочу, чтобы меня колбасило!» (*Резко пригибается к земле и начинает мелко перебирать ногами*): «Все-все, ну ... [к черту]! Не хочу, чтобы меня колбасило». Смотрит, а во дворе сидит на лавочке грустный мальчик с костылями и глядит, как другие дети играют в футбол. «... [Боже мой], – думает девочка, – что же я все о себе да о себе?» (*Исполнитель отрывает последний лепесток и отбрасывает цветок в сторону*): «Хочу, чтобы вот его плющило, штырило и колбасило!»

В пуанте может произойти неожиданное расширение ситуативных рамок: появляется третий, как правило, бесплотный участник и меняет грамматику всей ситуации:

Приходит зимой рыбак на лед, потемну еще, вертит дырку, садится, раскладывает, достает удочку – и тут голос с неба (*исполнитель имитирует левитановскую манеру советских дикторов, зарезервированную для особо торжественных случаев*): «Здесь рыбы нет!». Ну, мужик пожимает плечами, собирается, отходит метров на пятнадцать, вертит дырку, садится, раскладывает, достает удочку, и тут опять голос с неба: «Здесь рыбы нет!». Мужик опять встает, собирается, отходит метров на двадцать в другую сторону, вертит дырку, садится, раскладывает, достает удочку – ну, и опять с неба

голос: «Здесь рыбы нет!» Мужик: «... [Черт возьми], да ты кто вообще?!» Голос (*на особо торжественной ноте*): «Директор катка!».

ВАДИМ МИХАЙЛИН
«ЗАТО ДЖИНСЫ ЦЕЛЫ»...

Подъезжает богатырь к камню, а там что-то написано. Ну, он слезает с лошади, подходит, начинает читать (*исполнитель стирает с воображаемого камня воображаемую патину и начинает по слогам «читать»*): «На-пра-во пое-дешь – “... по-лу-чишь [столкнешься с большими неприятностями]”... На-ле-во поедешь – “... по-лу-чишь [столкнешься с большими неприятностями]” ... Прямо поедешь – “... по-лу-чишь [столкнешься с большими неприятностями]”» Стоит он перед камнем, репу чешет, и тут голос с неба: «Ну, что ты, ... [неразумный человек], мнешься? Тебе что, прям тут ... [неприятности выдать]?»

Сидит мужик на даче на крыльчке. Октябрь, листья облетают, а день такой солнечный, теплый (*исполнитель мечтательно жмурится*). Мужика разморило, кайф полный. Сидит, и тут видит – на яблоне яблоко висит. Такое спелое, тяжелое, на солнце нагретое. И так ему этого яблока хочется, а встать лень, и вот уже собрался задницу от крыльца оторвать, и тут вдруг налетает туча, вихрь, град, из тучи выныривает огромная жопа, хап это яблоко – и обратно в тучу. И снова – солнышко, тишина, покой. Мужик сидит такой в полном ... [недоумении] (*исполнитель разводит руки в стороны, приоткрывает рот и потерянно оглядывается вокруг*): «Что это было?». И тут опять – туча, вихрь, град, из тучи выныривает жопа и говорит (*исполнитель переходит на всю ту же левитановскую интонацию*): «Ан-то-новка!».

Иногда поворот к худшему может проистекать не от злонамеренности гиперкомпетентного персонажа, а от полной некомпетентности самого протагониста (или одного из протагонистов). Или же в пуанте может происходить смена ведущей кодировки:

Заходит в салун ковбой, а за ним идут страус и мокрая кошка. Ну, он подходит к стойке и говорит (*исполнитель делает безразличную усталую мину*): «Стакан виски, вилка капусты и кусок колбасы». Бармен наливает стакан, отрезает колбасы, приносит капусту, считает (*исполнитель щелкает на воображаемый счетач*) и говорит: «С вас один доллар и восемьдесят три цента». Ковбой не глядя сует руку в карман и выкладывает на стойку ровно доллар восемьдесят три (*исполнитель изображает это действие все с той же усталой миной*). Бармен (*исполнитель меняет выражение лица на вежливо-заинтересованное*): «Это, конечно, не мое дело, сэр, но все это так необычно, вы не могли бы вы объяснить...» Ковбой (*усталая мина возвращается на место*): «Да что тут объяснять? Нашел бутылку с джином, на первое желание нажрался как свинья. А потом протрезвел чуток и говорю: “Хочу, чтобы у меня в кармане всегда было ровно столько денег, сколько нужно, и чтобы за мной везде ходила длинноногая цыпочка с мокрой киской”».

Самый распространенный сюжетный ход в прогностических анекдотах можно, пожалуй, назвать «ошибкой Эдипа». Протагонист по ошибке принимает за компетентную инстанцию, способную оценить и улучшить ситуацию, самого себя. Именно эта модель лежит в основе серий о Золотой Рыбке, джинне, Хоттабыче и прочих персонализированных (и заимствованных из общеизвестной мультипликационной и кинематографической традиций) исполнителях желаний:

Попадают на необитаемый остров англичанин, француз и русский. Ну, сплели сеть из травы, полезли рыбу ловить. Оп – вытаскивают кувшин. Открывают, а оттуда джинн. «Вас, – говорит, – трое, поэтому по желанию на рыло». Англичанин: «Мне миллион фунтов – и в Лондон!». Щелк, исчез. Француз: «Мне самую красивую женщину – и в Париж!». Щелк, исчез. Русский (*исполнитель разочарованно оглядывается вокруг и разводит руками*): «... [Черт], нормальные же мужики! Только-только компания начала складываться... Короче! (*исполнитель хмурит лоб и произносит строгим деловитым тоном*): Три ящика водки и этих двоих обратно!»

Едет ковбой по прерии. Вдруг – летит навстречу какая-то ... [непонятная субстанция], бац лошади в лоб, и насмерть. Ковбой с земли поднимается, ... [непонятная субстанция] рядом в воздухе висит. Ковбой: «Ты кто?» – «Я великий и всемогущий дух Маниту!» – «А ... [зачем] ты мне лошадь убил?» – «Извини, зазевался. Но за это исполню любое твоё желание». – «Ну оживляй тогда лошадь». – «Не могу, ибо не властен я над жизнью и смертью!» – «Ну ... [бог] с тобой, давай тогда просто домой». – «Это я могу! Пошли!» (*исполнитель поднимает руку ладонью вперед*): «Нет, нет, не так, быстрее!» – «Ну тогда побежали!»

Ползут по пустыне два унитаза. Видят, на горизонте верблюд. Один унитаз другому (*исполнитель оборачивается и говорит нарочито детским голосом*): «Ген, а Ген! А давай вон к тому верблюду приколуемся!» (*исполнитель меняет тембр речи, имитируя манеру Василия Ливанова*): «Отстань, Чебурашка, вчера вон к Хоттабычу уже приколупались».

Собирает алкаш пушнину¹³ в скверике. Смотрит, одна бутылка запечатанная. «... [Черт], – думает, – щас красненького драбализ-ну». Открывает, а оттуда джинн (*исполнитель вытаращивает глаза и проговаривает с бодрой интонацией ведущего «Пионерской зорьки»*): «Благодарю тебя, спаситель мой! За это я исполню

13 «Пушшиной» называлась пустая стеклотара, которую можно было сдать в специальный приемный пункт за деньги, причем по-своему неплохие. Так, молочная бутылка с широким горлышком в конце 1970-х стоила в приеме 15 копеек – столько же, сколько литр «восемьдесятых» бензина. Винная бутылка емкостью 0,7 литра – 17 копеек, пивная «чебурашка» – 12. Пушшиной пробавлялись отнюдь не только бомжи и нищие студенты. В том же конце 1970-х мой тесть с приятелем, чуть ли не все лето обитавшие на волжских островах, в понедельник с утра объезжали на лодке несколько мест, куда выезжали отдыхать «воскресные» волжане, после чего отправлялись на нефтебазу и возвращались с запасом бензина чуть ли не на неделю вперед.

любое твоё желание!» Алкаш стоит такой и думает: «Ну вот, попрошу я у него ящик водки, выжру – и все. Попрошу сто рублей – опять пропью. Надо что-то менять радикально»: «Хочу вернуть время вспять!» (*исполнитель снова вытаращивает глаза и произносит с прежней интонацией*): «Благодарю тебя, спаситель мой! За это я исполню любое твоё желание!»

Поворот к худшему в пуанте может быть связан с тем, что вместо демонстративной отстраненности персонаж, предположительно способный прозревать ближайшее будущее, проявляет злонамеренную вовлеченность. По этому принципу строится большинство анекдотов из серии про «внутренний голос», в том числе тот, что дал ключевую фразу в названии статьи:

Едет Билл по прерии. И вдруг внутренний голос говорит: «Наклонись вправо!». Он наклоняется вправо и – вжух – мимо пролетает стрела. «Ни хера себе!» – думает Билл. Едет дальше. Внутренний голос: «Нагнись!», Билл нагибается и – (*исполнитель свистит*) – над головой пролетает пуля. «... [Обалдеть]!» – думает Билл. Едет дальше. Внутренний голос: «Встань на стременах и спусти штаны!» Билл встает, спускает штаны, и ему в жопу втыкается стрела. Внутренний голос (*исполнитель вскидывает брови и произносит с философски-констатирующей интонацией*): «Зато джинсы целы».

В провинциальном, а тем более закрытом для иностранцев городе, не имеющем прямого выхода на морские порты и международные авиарейсы, фирменные джинсы можно было купить у фарцовщиков за сумму, сопоставимую с месячной зарплатой квалифицированного работника – а то и дороже (150–250 рублей). Так что финальный поворот сюжета с ковбоем, перекодирующийся в систему привычных советских ценностей, обладал для слушателя дополнительной суггестивной силой.

Вообще серия про «внутренний голос» родилась еще в начале 1960-х. Но в следующем десятилетии практически полностью переселилась в декорации другой, «ковбойской», серии – видимо, в силу того, что сама эстетика вестерна и типаж невозмутимого и немногословного героя как нельзя лучше соответствовали общей для этой группы сюжетов фаталистической интонации. «Ковбойская» серия буквально ворвалась в советскую анекдотическую культуру в середине 1970-х, после того, как по всей стране показали «Золото Маккены» (1969) Джея Ли Томпсона: картину, которая только за три летних месяца 1974 года собрала 63 миллиона зрителей, став одним из самых кассовых фильмов десятилетия. Появившийся почти одновременно с «Маккеной» и довольно часто демонстрировавшийся по телевизору пародийный мультфильм «Ковбои в городе» (1973) Владимира Тарасова внес в становление этой серии свой зна-

чимый вклад, задав архетипическую схему «парной ковбойской клоунады» (анекдоты «про Билла и Джона»), герои которой также время от времени берут на себя провидческие функции:

Едут по прерии Билл и Джон. Неделю едут, две, три. Надоели друг другу до смерти. Вдруг Билл поворачивается и говорит (*исполнитель прищуривает глаза, имитируя «крутую» сценическую манеру Грегори Пека*): «Джонни, а знаешь, что такое круговорот вещей в природе?» – «Нет». – «Ну вот смотри. Предположим, сейчас я вытащу кольт и застрелю тебя. Ты упадешь с лошади, умрешь, потом сгниешь, на этом месте вырастет густая трава, потом придет бизон, сожрет траву и навалит здесь огромную кучу говна». – «И что?» – «Что значит – что? Лет через десять я буду ехать мимо, увижу все это и воскликну (*исполнитель радостно раскрывает глаза и раскидывает руки в стороны*): “Ба! Джонни! Ты же ни капельки не изменился!”»

Впрочем, классические прогностические сюжеты в этой серии по понятной причине тяготеют к неравновесной системе из прогноста и сакрализованного источника информации:

Скачет ковбой по прерии, а за ним толпа индейцев. Внутренний голос: «Сверни налево!». Ковбой бросает коня влево, там расщелина. Индейцы снова нагоняют. Внутренний голос: «Нагнись!». Он нагибается, и над ним пролетает стрела. И тут – оп! – расщелина выводит прямо на край Большого каньона. Внутренний голос: «Прыгай!» (*исполнитель «тормозит» всем корпусом*): «Да тут же...» – «Прыгай, говорю!» (*исполнитель толкает воображаемого партнера*). Летят. Внутренний голос: «Ты летать умеешь?» – «Нет». – «А лошадь?» – «Тоже нет». – «Эх, мы сейчас и ... [упадем]».

Заходит Билл в салун, а там у стойки толпа индейцев. «... [Это конец]», – думает Билл. Внутренний голос (*исполнитель доверительно наклоняется вперед и переходит на шепот*): «Никакой не ... [конец]. Подойди к вождю и дай ему в ухо». Билл со всей дури вождю в ухо – херак! Внутренний голос (*умиротворенно*): «Вот теперь точно ... [конец]».

Стандартная для позднесоветской традиции и рассчитанная на полную контекстуальную включенность аудитории постмодернистская практика столкновения в одном сюжете двух разных анекдотических серий продуктивна и в отношении прогностического анекдота – причем как за счет наложения двух собственно прогностических линий, так и в сочетании с другими сериями (приведенный выше контркультурный анекдот про Цветик-Семицветик так же попадает в эту логику, отсылая слушателя к серии «про Инфернальную Девочку»):

Стоит на берегу Старик Хоттабыч, ловит рыбу. Вдруг – оп! – Золотая Рыбка. Посмотрели они друг на друга и заплакали.

Поймала девочка-дебилка Золотую Рыбку. «Уууу! Рыыыбка!» Рыбка ей: «Отпусти меня, девочка, исполню я три твоих желания!» Девочка: «Уууу! Желлааания!» (*исполнитель начинает методично, по кругу, обрывать с воображаемой рыбки плавники*): «Лети-лети лепесток...».

ВАДИМ МИХАЙЛИН
«ЗАТО ДЖИНСЫ ЦЕЛЫ»...

Приходят чукчи к шаману. «Скажи нам, шаман, теплая будет зима или холодная?». Шаман думает: «Скажу, что теплая, они дров мало соберут, а зима холодная будет. Побьют. А скажу, что холодная, они дров много соберут, а если будет теплая – лишние дрова кому мешают?» «Идите, – говорит, – чукчи, собирать дрова. Холодная будет зима». Сел, трубку курит (*исполнитель начинает беспокойно ерзать*), а самого беспокойство гложет – все-таки как-то нехорошо получилось, непрофессионально. Схожу, думает, на метеостанцию. Там приборы все видят, все слышат, люди ученые – все на свете знают. Взял моржовый клык, пошел. Заходит (*исполнитель изображает осторожный стук в дверь и принимает подобострастную позу*): «Здравствуй, начальник! Я тебе подарку принес!» А там сидит метеоролог, никакой после вчерашнего (*исполнитель прикрывает веки и устало поднимает взгляд на воображаемого собеседника*). Шаман: «А вот скажи, начальник, зима в этом году холодная будет или теплая?» Метеоролог так (*исполнитель зевает, отдергивает воображаемую занавесочку и выглядывает в воображаемое окно*): «О, чукчи дрова собирают. Холодная будет зима»¹⁴.

Резкое изменение прогностических характеристик сначала перестроечной, а потом и позднесоветской реальностях, не оставивших от позднесоветской тотальной предсказуемости бытия камня на камне, вполне ожидаемым образом привело к сдвигам в соответствующем анекдотическом жанре. Привычная сюжетная матрица сохраняет позиции, но жанр становится разнообразнее, инверсируя эту модель или добавляя к ней новые вариации. Так появляется анекдот с гиперосторожным прогнозом:

Привозят в Лондон Робинзона Крузо. Ну, помыли, приодели, выводят к журналистам. Вопросы, шумный успех. И под конец корреспондент самой желтой газеты спрашивает: «Скажите, вот вы двадцать семь лет сидели на этом острове в полном одиночестве. А как вы удовлетворяли естественную мужскую потребность?» (*Исполнитель с видом деревенского дурачка разводит руки в стороны*): «Ну, как... Находишь дерево с подходящим дуплом. Ну и...» – «То есть вы действительно за двадцать семь лет ни разу не трахались с живым человеком?! А Пятница?» – «Ну, я же добрый христианин, мужеложество, оно, это... В общем, я больше по деревьям...» – «Потрясающе! Господа (*исполнитель оборачивается к воображаемой*

14 Анекдотическая серия «про чукчу» стала предметом отдельного рассмотрения в: Михайлин В. *Всесоюзный туземец: чукча в анекдоте и в кино* // Имагология и компаративистика. 2016. № 2(6). С. 146–154.

публике), я предлагаю скинуться мистеру Робинзону на проститутку – при условии, что он позволит нам присутствовать на первом сеансе. Это же сенсационный материал!» Все скидываются, приводят Робинзона в публичный дом, заходят все в комнату, там сидит голая барышня. Робинзон к ней подходит, разглядывает (*исполнитель начинает придирчиво осматривать воображаемую проститутку со всех сторон*), потом ставит раком. Подходит сзади, расстегивает штаны и вдруг – ... (*исполнитель изображает размашистый пинок ногой*). Барышня в крик, публика в крик: «Робинзон, что вы делаете? Зачем?» (*исполнитель возвращается к манере деревенского дурачка и озабоченно произносит*): «Ага, а вдруг там пчелы?»

Становятся возможны сюжеты с поворотом в пуанте к лучшему – если сделать скидку на стандартный для анекдотических персонажей гипертрофированный эгоцентризм:

Идет по улице инженер и думает: «Вот ... [зачем] такая жизнь? Завод того и гляди закроют, зарплату не платили уже год, дачу обнесли, дома бардак...» И вдруг]видит, на дороге лежат 100 долларов. «Ну, – думает, – сука, просто издеваются. Вот куда их сейчас, какую дыру затыкать? В жопу себе засунуть? А, гори все синим пламенем!» Идет в казино, покупает фишку на сто баксов и ставит на тринадцать. Шарик – раз! – и выпадает на тринадцать. Инженер думает: «Ну, и что, ну три с половиной тыщи. Ну, долги отдам, квартиру отремонтирую. А потом опять нищета». И ставит опять на тринадцать. И опять выпадает. ... «[Надо же], – думает, – ну не бывает так». Ставит опять все – и опять выигрывает. Отгружают ему в три мешка четыре с лишним ляма баксов, дают охрану, он доезжает до своей хрущевки, взволакивает мешки на пятый этаж, звонит в дверь – открывает жена, вся в слезах. Он ей с порога: «Маша, все, другая жизнь началась! Все теперь по-новому!» А она смотрит на него и плачет (*исполнитель делает трагическое лицо и пальцами показывает дорожки от слез*). «Мы с тобой ремонт делать не будем! Мы эту квартиру просто бросим ... [к чертям собачим] и уедем отсюда!» А она плачет. «Мы в Лондоне квартиру купим, Маша! “Феррари” купим. Виллу на Багамах!» А она все плачет. «Маш, да что ты плачешь? Что случилось-то?» (*исполнитель поднимает глаза, полные самозабвенной скорби*): «Мама умерла...» (*исполнитель подскакивает на месте и делает экстатический рывок кулаком на себя*): «Поперло!!!!».

Впрочем, случаются и сугубо «прозаические» варианты, где в пуанте радикально занижается ценность самой прогностической ситуации:

Въезжает на светофоре в жопу «Мерсу» «Запорожец». Из «мерина» выходят двое быков, упакованных по самое нехочу, подходят к «запору», там за рулем сидит интеллигентный такой очкарик.

Они ему: «Слышь, ты, олень! Взять с тебя нечего, так что давай ключи от своей говнодавки и ... [иди куда подалее], пока мы не передумали!» – «Мужики, давайте спокойно все обсудим...» (*исполнитель имитирует две узнаваемые манеры речи, на столкновении которых строится вся серия «о братке и интеллигенте»*) – «Что ты гонишь? Что тут обсуждать?» – «За чашечкой кофе...» – «Какого еще, ... [к черту], кофе?» Тут мужик выходит из машины, открывает передний багажник и достает медную лампу. Трет ее, появляется джинн, и мужик ему говорит: «Сделай, пожалуйста, три чашечки кофе». Джинн оборачивается вокруг себя и – опа! – в руке поднос с тремя чашками кофе. Старший браток: «Мужик, ... [вот это да]! Слушай, между нами все ровно. Вот ключи от “мерина”, забирай, твои. Вот капуста, сколько есть – Вован, накинь еще! (*исполнитель обращается через плечо к воображаемому напарнику, потом протягивает воображаемые ключи и деньги*). А лампу нам, лады?» – «Ну, если вы настаиваете...» – «Все путем, братан, давай лампу, езжай с богом». Мужик садится в “мерс” и уезжает. Старшой трет лампу. Появляется джинн. Старшой: «Значит, так. Мне прям щас “бугатти”, полный фарш. Яхту тридцатиметровую на Мальдивах и особняк в Париже, в самом центре. А Вовану...» Джинн перебивает (*исполнитель выставляет руку ладонью вперед и улыбается вежливой улыбкой официанта*): «Не, мужики, не выйдет. Я – только кофе».

В предельных случаях ценность прогноза может отрицаться как таковая – либо с позиции экклезиастической, либо с позиции этакого панковского *no future*:

Сидит на берегу Средиземного моря, под Хайфой, Соломон Давидович и на солнышке греется. Тут накатывает волна – и прямо к ногам вымывает медный кувшин. Соломон Давидович, крихтя, нагибается вперед, вынимает пробку, и из кувшина с жутким воем вырывается джинн (*исполнитель сперва делает страшное лицо, потом – смиренное и почтительное*): «Я – Керим ибн Юсуф, великий волшебник Магриба. Спасибо тебе, о повелитель мой, что спас меня из этого недостойного узилища, в которое меня три тысячи лет тому назад заточил великий и ужасный Сулейман ибн Дауд, да будет проклято имя его. Повелевай, я исполню любое твоё желание!» Соломон Давидович вздыхает и говорит: «Лезь-ка ты обратно в кувшин». Джинн с воем исчезает (*исполнитель со вздохом имитирует жест запечатывания кувшина, а потом – бросок*): «Вот ведь бедолага, по второму разу нарвался».

Идет по берегу моря заяц-садист. Смотрит, лежит на песке полудохлая Золотая Рыбка. Шевелит губами и шепчет: «Спаси меня, добрый зверь, брось меня в море! Сил у меня уже немного, но одно твоё желание я ещё смогу выполнить...» Заяц её подбирает (*исполнитель имитирует жест, потом, подняв бровь, смотрит на воображаемую рыбу, зашвыривает её подалее в воображаемое море и цедит сквозь зубы*): «А теперь мучайся неделю и сдохни, тварь!»

Как и следовало ожидать, распад СССР ознаменовался – среди прочих тектонических изменений – масштабным переформатированием той системы, которая привычно поставляла советскому человеку (читателю, зрителю, слушателю, участнику коммуникации) удобные для него проективные реальности. Прекрасные режиссеры, будто сговорившись, начали вдруг снимать плохое кино; нежно лелеемые читающей публикой полузапретные гении русской словесности, от которых сразу по наступлении полной свободы слова ждали текстов на уровне Джойса и Пруста, не породили не только нового Золото, но даже и нового Серебряного века. Бывшее советское искусство к новой реальности оказалось катастрофически не готово. И дело не только и не столько в радикальном изменении институтов, сопровождающих и обеспечивающих то, что принято называть художественным творчеством: издательств, театров, киностудий, музеев, книготорговых и кинопрокатных сетей и так далее. Издательский бизнес как раз переживал период бума, видеосалоны и кинотеатры на недостаток посетителей тоже не жаловались. Но изменилось главное – запрос на те языки, на которых советское (во всех своих ипостасях – от правомерно имперских до беззаветно диссидентских) искусство умело говорить со своим зрителем, слушателем и читателем. Исчезли – как-то сами собой – целые жанры, которые еще недавно составляли костяк традиции, вроде того же школьного кино, от которого на полтора десятилетия не осталось и следа. И понятно, что условия игры изменились не только для искусств «высоких», институционализированных, но и для таких завязтых маргиналов, как анекдот. Внешне могло показаться, что он как раз вышел на новый уровень – подборок анекдотов в первой половине 1990-х не печатал только ленивый. Но именно процесс медиализации – среди прочего – анекдот если и не убил, то заставил сдать позиции главного коммуникативного комического жанра.

Медиализация анекдота была одним из симптомов тех самых упомянутых выше тектонических сдвигов во взаимоотношениях между проективными способностями и потребностями рядового гражданина и публичным пространством. И проблема была не в том, что система сигналов, исходящих от последнего, изменилась в идеологической плоскости, – она изменилась качественно. Во-первых, исчезло единое сплошное поле давления – идеологического, стилистического, этического, мировоззренческого, если угодно. Во-вторых, возник совершенно – принципиально – иной уровень насыщенности информационного пространства, и эта его непривычная для бывшего советского человека насыщенность пошатнула прежние схемы взаимодействия между самим человеком и публичностью, между

несколькими людьми по отношению к публичности и так далее. Если в былые советские времена количество значимых сигналов, исходивших от публичного пространства (и облаченных в разного рода тексты, прежде всего художественные), было соизмеримо с объемами индивидуального человеческого внимания, то теперь масштабы изменились. В 1950-е советский человек по несколько раз ходил в кино на один и тот же фильм – и то же самое делали большинство его знакомых. В 1970-е в телевизоре у него были две программы (и три в радиоприемнике – если не слушать «голосов»), художественные фильмы показывали крайне дозированно, по вечерам – тем самым вменяя обывателю их как элемент досуга. С детской аудиторией все было еще интересней: мультфильмы демонстрировались (за редкими исключениями, в виде праздничных дней и каникул) один раз в неделю, по воскресеньям, и программа длилась примерно полчаса, включая в себя, таким образом, три-четыре ленты.

ВАДИМ МИХАЙЛИН

«ЗАТО ДЖИНСЫ ЦЕЛЫ»...

Распад СССР ознаменовался масштабным } переформатированием той системы, которая } привычно поставляла советскому человеку удобные } для него проективные реальности. }

Таким образом, *все* советские люди не только читали в школе одни и те же обязательные литературные тексты, но и затем, на протяжении всей своей жизни, смотрели те же фильмы, что и все их сограждане. Каждый сюжет, каждый удачно найденный образ, каждая броская реплика были всеобщим достоянием, активно обсуждались и неизбежно превращались в элемент кода, прозрачного – и предсказуемого – для всех. Анекдотическая переработка любого такого элемента – вне зависимости от того, обладал человек чувством юмора или нет, одобрял он конкретную модель деконструкции исходного пафоса или нет (анекдоты о концлагерях многим предсказуемо не нравились), – автоматически апеллировала ко всем советским людям как к единому полю. Понятно, что с появлением перенасыщенного и диверсифицированного информационного пространства это его качество ушло безвозвратно – и вызвало если не смерть анекдотического жанра, то его вынужденную отставку с поста главной коммуникативной скрепы.

И если все эти изменения произошли с анекдотом как таковым, то с таким крайне узким и специализированным микрожанром, как анекдот прогностический, они произошли тем более – хотя бы в силу того, что канули в Лету советские режимы

предсказуемости. Советский человек сопротивляется. Он не хочет терять жанр. Он продолжает рассказывать и слушать анекдоты (правда, тем людям, которые родились ближе к рубежу тысячелетий, эти шутки в большинстве своем категорически не интересны, поскольку место главного комического жанра занято стендапом). Он продолжает их придумывать, выстраивая серии вдоль тем и узнаваемых (всеми!) персонажей, которые вызывают раздражение публики: так в 1990-е главным анекдотическим персонажем стал мужчина в красном пиджаке и с золотой цепью на шее, вне зависимости от того, позиционировался он в данном конкретном случае как бандит или как «новый русский» – а в 2010-е это место уверенно занял Путин:

Приходит мужик вечером домой, жарит себе яичницу, достает из холодильника миску с огурцами и бутылку «Путинки». Садится перед телевизором, откупоривает ее – и вдруг оттуда вместо водки появляется джинн. И говорит знакомым голосом (*исполнитель имитирует путинские интонации*): «Спасибо, что выбрали именно этот продукт, именно из этой партии. Вы сделали абсолютно правильный выбор. Теперь у вас есть возможность загадать любое желание – и перед следующими выборами я обязательно пообещаю вам его исполнить».